

УДК 130.2

ТОЛСТОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ОПЫТ НЕПРОТИВЛЕНИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ¹

Е.Д. МЕЛЕШКО
А.Ю. КАШИРИН

*Тульский государственный
педагогический универси-
тет им. Л.Н. Толстого*

В статье рассмотрен уникальный опыт толстовского движения, имеющий историческую и национальную ценность. Рассмотрены основные моральные ценности и установки мировоззрения толстовцев, показано толстовство как мировоззрение и общественное движение, рассмотрено действие принципа непротivления как мотивация хозяйственной деятельности и основание толерантных политических и межличностных отношений.

Ключевые слова: толерантность, непротivление, толстовство.

Понятие толстовского движения: Толстовство – организованное общественное движение в России во II половине XIX столетия, объединяющее людей самых различных национальностей, социальных слоев и вероисповеданий, которые совершили уникальный социально- исторический и духовно-нравственный эксперимент. В то же самое время толстовское движение в истории России – это своеобразный социально-нравственный феномен, имеющий ярко выраженный исторический и национальный колорит. В нем определилось одно из направлений русской духовной реформации, выразившей «внутренний ход русской революции»,² в значительной степени подготовившей, в силу настроений протестантского характера, «кадры отрицателей» (С. Франк) государственной и церковной власти.

Толстовство как мировоззрение: Толстовство – система духовно-нравственных ценностей, сформированных на основе религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого. Необходимо отметить, что система ценностей толстовского движения претерпела значительные изменения, особенно в периоды «второй» и «третьей» волны развития толстовства (1913-1930 гг.), когда формируется пост-толстовская философия духовно-монистического понимания мира П. П. Николаева.³

Отношение к земледельческому труду как моральная ценность: Уникальность социального и духовного опыта толстовцев состоит в признании ими главным мировоззренческим принципом хозяйствования – представлении о земледельческом труде как о главной составляющей человеческого образа жизни, являющегося единственным источником сохранения в человеке как в разумном существе живого одухотворенного начала. Земледельческий труд является «самым естественным и разумным для существования человека»⁴ (курсив мой – Е.М.), что основывалось на крестьянском здравом смысле с его представлениями о природных и естественных основаниях труда: «Ведь если здраво рассудить, пишет в своих воспоминаниях Я.Д. Драгуновский, – «то мы живем только трудом; а, кто живет и не трудится, тот должен знать, что кто-то трудится через силу. *Природа создала закон жизни* и создала *закон труда*» (курсив мой – Е.М.); стало быть, кто не трудится, тот преступник закона, тот преступник природы. Такой закон годится для каждого человека, живущего на планете Земля...».⁵

¹ Публикация выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт № 14.741.12.0170)

² См.: Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины М.: Правда, 1991. – С. 251.

³ Философский труд П. Николаева «Духовно-монистическое понимание мира» есть попытка вслед за книгой, составленной В. Ф. Булгаковым, не столько *изложить*², сколько *развить* идеи религиозно-нравственного учения Толстого, представив его как *этико-философское направление* в истории русской философской и общественной мысли. Толстовское движение рассматривается, как уникальный социально-нравственный опыт, не только апробирующий, но и развивающий метафизические и этические идеи великого мыслителя.

⁴ Воспоминания крестьян-толстовцев 1910-1930 годы. Книга. 1989 г. – С. 415.

⁵ Там же. – С. 385.

Природный и естественный закон, как закон *естественных условий* жизни человека не приемлет каких – либо форм насилия. Этот принцип проявлялся в характере труда коммунаров. Приводя известное высказывание В.И. Ленина о характере коммунистического труда, толстовцы в своих воспоминаниях подчеркивают: «за долгие годы жизни в коммуне мы познали возможность и радость такого труда; теперь этого нас лишали насильно. И как это ни странно, эта привычка к коммунистическому труду перешла... в, казалось бы совсем неподходящее место – в заключение, в лагеря, где труд – под штыком».⁶ Свободный труд рождал творческие идеи и задумки. В коммунарах все больше проявлялось стремления к творческому труду, было много изобретений, связанных, например, с оросительной системой при ручном земледелии, проведением водопровода и др. Человек призван не к насилию над землей, животными, природой для своего блага, например, в целях повышения результативности урожая и т. д., а, напротив, своим присутствием и трудом *способствовать становлению живого: помогать* земле, растениям в их проявлении *жизни*. Характерно в этом плане высказывание одного из коммунаров: «Как приятно и радостно наблюдать за посевами, изучать жизнь растений, когда надо помогать растению. И физически и духовно весьходишь, углубляешься в радостное дело».⁷ «*Радостное дело труда*», связанное с ощущением *единения с живым – землей, природой*, посредством любви, представляет собой в опыте толстовства *проявления принципа непротивления* по отношению к живой природе.

Опыт жизни в толстовских коммунах в условиях свободного земледельческого труда, принципиально осознаваемого как средство *благоговейного отношения к живому*, способствует утверждению действительно нравственных отношений и ценностей. Эта цельность и *естественность отношений* между людьми не может быть запрограммированной или целенаправленной. Поэтому, по мнению толстовцев, «никаких программ построения форм жизни у нас наперед не было. Все складывалось само, так как это вытекало из наполнявших душу убеждений. Все было настоящее, не надуманное».⁸

Практическое осуществление идей Л.Н. Толстого было главным *духовным фактором* объединения людей в толстовские земледельческие коммуны. Коммунары исповедовали терпимость и заботу в отношении друг с другом; им было присуще особое жизненное мироощущение свободы, полноты жизни и счастья, которое пронизывало все стороны бытия коммунаров: «Но какое же это счастье, – пишет в своих воспоминаниях один из коммунаров – толстовцев, – «жить во – всю!» Какую полноту жизни создавала «жизнь во – всю», то есть никого не давить и ни перед кем не пресмыкаться, говорить открыто правду и поступать так, как хочешь, с тем только непременным условием, чтобы не повредить другому; жить радостно, без озлобления и без малейшего страха. Мы испытали это не только каждый в отдельности, но и всем обществом. Не потому ли уже десятки лет спустя, это время, прожитое в коммуне, вспоминается как лучшее, незабываемое время жизни».⁹ Это чувство радости жизни осталось у коммунаров на всю жизнь. О неистребимости этого чувства свидетельствует также и признание толстовца Д.Е. Моргачева, прошедшего тяжелые испытания в тюрьмах Гулага: «Я и сейчас бы, не раздумывая, оставил бы все и свой обеспеченный, спокойный угол и пошел бы в неизвестность на труды и лишения, лишь бы участвовать в строительстве такой коммуны, какая была моим стремлением всю жизнь, и к старости еще более укрепилось мнение, что путь этот правильный, достойный разумных людей».¹⁰ Ненасильственное отношение ко всему живому обусловило и образ жизни толстовцев-коммунаров: они были строгими вегетарианцами, не употребляли табака, спиртных напитков, не ругались. В толстовских коммунах не было замков, двери были открыты любому человеку, питание общее и бесплатное. Интересным и заслуживающим внимание является тот факт, что коммунарам было совершенно не присуще чувство собственности. Складывалось это не сразу, в процессе жизни в коммуне: «Люди за долгие годы жизни в коммуне отвыкли от таких понятий как «мой дом», «моя корова», и т.д.; все было «наше» Люди уже сильно впитали в себя коммунистиче-

⁶ Воспоминания крестьян-толстовцев 1910-1930 годы. Книга. 1989 г. – С. 195.

⁷ Там же. – С. 405.

⁸ Там же. – С. 205.

⁹ Там же. – С. 154.

¹⁰ Там же. – С. 306.

ские, не частнособственнические чувства, люди привыкли работать не по найму, не за зарплату, а по сознательному отношению к труду, как необходимому и радостному условию человеческой жизни».¹¹

Эта связь проявлялась, например, в хозяйственной жизни: ведь труд домашних животных не использовался: «Как хорошо работать без помощи животных. Чувствуешь, что освободил невинное животное, освободился, и сам от mnogой обузы по уходу за скотом. Когда работаешь на лошади, то часто приходится сердиться, нервничать и бить палкой или кнутом иногда по худым ребрам обессиленное животное, что недостойно звания вегетарианца и вообще недостойно звания доброго, разумного человека».¹² «Что же после этого мы, вегетарианцы, толстовцы представляем из себя? Мы не едим мяса из-за сострадания и любви к животным, считаем их своими друзьями и тут же на работе так жестоко бьем своих друзей палками и замучиваем до смерти».¹³

Радостное мироощущение, несомненно, было связано с особенностью трудовой деятельности толстовцев – деятельности свободного, без эксплуатации и принуждения: «Мы счастливы тем, – признаются они в своих воспоминаниях, – что узнали радость труда не по найму, не из расчета, а вольного, радостного труда, который дает возможность самостоятельно принимать решения и жить, руководствуясь своим разумом и своей совестью, согласно сил и требований души».¹⁴

Таким образом, главным условием земледельческого труда, его духовной установкой было работать честно, без ожесточения, а с *любовью* и желанием, с убеждением, что физическая работа не только приносит пользу другим, но и оздоровительна для тела и ума, что физический труд – это – необходимое условие, закон природы для каждого человека.¹⁵

Такое отношение к труду имело впечатляющие результаты: достаточно сказать, что в 30-х годах, когда уже началось активное притеснение толстовских коммун со стороны правительственных органов, коммунары добивались результатов, участвовали в выставках, различного рода соревнованиях по результатам сельскохозяйственного труда. Однако, несмотря на то, что трудовые достижения толстовцев имели выдающиеся результаты и коммунары неоднократно получали высшие оценки за свою продукцию, их достижения официально игнорировались: премий и наград им не вручали.¹⁶

В коммунах по идейным убеждениям в 30-х годах была создана так называемая артель «ручников»,¹⁷ которые «не хотели эксплуатировать труд животных, как рабочей силы, а также пользоваться молочным скотом, считая, что молоко принадлежит детенышам коровы, а лошадь должна быть свободна».¹⁸ Ручники были строгими вегетарианцами, даже не носили шерстяных и кожаных изделий. Они обрабатывали землю вручную с помощью мотыги и лопаты, но были даже такие представители этого идейного направления, которые считали невозможным пользоваться даже элементарными орудиями труда. Поэтому «толстовская любовь и преклонение перед землей у многих выражалась в том, что они не копали землю лопатой, а перетирали руками, считая, что железо оскорбляет землю. Земля, первоначально тяжелая, после их рук становилась как пух».¹⁹ С точки зрения толстовцев такая форма труда наиболее полно выражает толстовский принцип понимания *живого, жизни*, а, следовательно, и принцип отношения к труду: ведь, согласно Толстому, – земледельческий труд выражает *физиологическую* потребность человеческого организма. Поэтому «ручное земледелие в наш машинный век кажется нера-

¹¹ Воспоминания крестьян-толстовцев 1910-1930 годы. Книга. 1989 г. – С. 194.

¹² Там же. – С. 406.

¹³ Там же. – С. 406.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. – С. 383.

¹⁶ Там же. – С. 140.

¹⁷ Группа ручников была, например, в коммуне «Жизнь и труд». В нее входили Е. Безутлый, Я.Д. Драгуновский, П.П. Горячев, братья Катрухи, В.А. Кудрявцев, И. Лукьянов, Е.И. Попов, братья Тюрк и др. Там же. – С. 284.

¹⁸ Там же. – С. 284.

¹⁹ Богораз Л.И. Толстовцы в Кемеровской области (70-е годы) // Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке (материалы симпозиума). М.: Аслан, 1996. – С. 18.

зумным и даже диким, а на самом деле, если разобраться глубже, – и разумно, и нравственно, честно и благородно».²⁰

Результаты ручного земледелия были впечатляющие: ручники обрабатывали в среднем по 5-7 соток зерновых и овощных культур (если учитывать земельные неудобья, которые выделялись для толстовских коммун государством), и получали от 8-10 пудов пшеницы с каждой сотки, поэтому, кроме нужд пропитания, ручники имели еще и излишки продукции. В то же самое время опыт показал, что ручное земледелие все-таки рассчитано на незначительные излишки, следовательно, в условиях государственного социализма, учитывающего, прежде всего, экономическую результативность труда, этот вид земледелия считался продуктивно невыгодным. По мнению крестьян-толстовцев государственного социализма, с его принципом равного распределения и механического экономизма в отношении оценки труда, его специфики не выдерживал критики: «на одного рабочего приходится несколько сот иждивенцев, протягивающих руки за хлебом, овощами, фруктами, мясом, молоком, яйцами».

В то же самое время механически – экономический подход к крестьянскому труду, стремление *уравнять* всех даже в труде, подчинить решениям государственных органов, имело отношение и к толстовцам, внедряющим в крестьянское хозяйство идеи ручного земледелия. В условиях государственного экономического социализма, даже тогда, когда страна остро нуждалась в продуктах питания, государственные чиновники стремились задавить инакомыслящих в хозяйственной деятельности крестьян непосильными сельскохозяйственными государственными планами. Ручное земледелие в этих условиях оказалось невостребованным и *не возможным в принципе*, ведь «ручное земледелие возможно, когда каждый человек несет сам несет свою долю крестьянского труда». Все эти обстоятельства вызывали недоумение и протест толстовцев, искренне поверивших в идеи социализма. Сохранились документы о предложениях толстовцев по экономической и правовой реорганизации сельского хозяйства; о введении единого сельхозналога с ценности земли, который бы мог снять социальное неравенство по отношению к потреблению продуктов труда и повысил результативность труда крестьянина.²¹

Хотя коммуны и создавались на неудобьях, на «голом месте», постепенно, благодаря энтузиазму, инициативе, беззаветному труду коммунаров, превращались в крепкие хозяйства. Продукция коммун имела неограниченный спрос, ведь, в основном, хозяйства коммунаров производили и продавали молочные продукты, яйца, овощи и фрукты очень высокого качества. Характерной чертой земледельческого труда в толстовских земледельческих коммунах было *окультуривание земли*. Так, кроме овощеводства и огородничества, толстовцы, высаживали плодовые деревья, старались придавать земле, на которой они трудились, а это была, в основном, земля не пригодная к земледельческому труду, так называемые неудобья: (болота, склоны гор, тайга) благородный культурный вид: «был посажен большой плодовый сад и все обсажено декоративными деревьями в несколько рядов. Через 7-8 лет многим не верилось, как голое место превратилось в цветущий участок... В 1962 году, через тридцать один год, я поехал на родину и походил по тем местам, где я с друзьями строил коммуны. Дикая поросль по рядам, где были плодовые деревья. Наверное, и сейчас там так».²²

Большое духовное влияние на деятельность общин, а также на создание этих общин оказывали духовные лидеры толстовского движения, единомышленники и сподвижники Л.Н. Толстого: В.Г. Чертков, И.И. Горбунов-Посадов, Н.Н. Гусев, и др., которые возглавляли и руководили толстовскими пропагандистскими и просветительскими Центрами в столичных городах и в провинции. Они содействовали коммунарам не только духовно и морально, но и политически, при возникновении конфликтов с местными властями, благодаря поддержке крупных государственных деятелей, в том числе и советских.²³

Сознательность и разумность, здравый смысл как главные *добродетели* толстовского учения, были руководящими факторами в формировании моральных качеств тол-

²⁰ Богораз Л.И. Толстовцы в Кемеровской области (70-е годы) // Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке (материалы симпозиума). М.: Аслан, 1996. – С. 285.

²¹ Там же. – С. 384.

²² Там же. – С. 304.

²³ Так было выхлопотано разрешение о переселении толстовских коммун в Сибирь в 1931 году.

стовцев. В их общем стремлении «быть членом мирного общества, устраивающего жизнь на разумных, сознательных началах... разумно руководить своими поступками и своим трудом»,²⁴ основывался протест против всякого насилия и угнетения личности. Насилие понимается в этой связи как «грубый эгоизм, разделяющий людей на своих и чужих. Насилие – это грубое и низшее желание земного блага только себе, только своей низшей, неразумной, иллюзорной природе; желание земных благ низшей, неразумной и иллюзорной природе людей своего круга, своего государства». Отсюда нежелание «ни индивидуально, ни организованно... поддерживать своим сознанием и своим трудом насильственные организации»²⁵.

В процессе жизни опыт общения сводился к тому, что отступление от нравственных норм и правил делает жизнь в коммуне *неестественной и невозможной*. Это касалось и проблем, связанных с чувством собственности, с материальным достатком, возникшим в коммунах в связи трудовыми достижениями коммунаров, с отношением коммунаров к труду. В коммунах оставались только те люди, которые выдерживали трудовые и нравственные принципы общинной жизни, причем эти принципы были прочными и неизменными мировоззренческими и нравственными убеждениями.

С другой стороны, сам факт самостоятельного существования коммун доказывал возможность негосударственной формы организации хозяйства. Пример крестьянского земледельческого социализма не укладывался в общую концепцию государственной коллективизации, тем более что коммунары, исходя из позиций принципиального ненасилия отказывались платить государственные налоги, нести воинскую повинность, выполнять хозяйственные наряды, связанные с обеспечением армии.

Нравственный максимализм, верность принципам своей совести толстовцы пронесли через всю свою жизнь. Даже в лагерях, в адских условиях невыносимого труда, голода и издевательств они жертвенно были верны идеалам добра, человечности, воспринятых ими в религиозно-нравственном учении Л.Н. Толстого.

Выраженность национальных черт и потребностей в опыте толстовских земледельческих коммун проявляется в негласном соревновании с системой государственного социализма, который создает коллективные хозяйства посредством насильственного «механического» объединения людей, «механически» справедливого (С.Л. Франк) распределения собственности и фактически подневольного труда. Толстовские земледельческие коммуны по результативности и культуре труда, качеству продуктов превосходят коллективные хозяйства. Уклад и образ жизни коммунаров показывают *иные возможности и иное социальное и нравственное устройство жизни*. Все это было одной из причин насильственного устранения толстовских земледельческих коммун, расстрела и арестов толстовцев.

Толстовские земледельческие коммуны создавались «изнутри», по собственной инициативе и желанию людей, по *принципу той «естественной» самоорганизации* в общины, о которой писал великий мыслитель. Принцип непротравления в этом смысле ориентирует на свободное волеизъявление в труде, образе и укладе жизни, в мировоззрении. «Этическое правосознание» регламентирует управление социальными и нравственными процессами внутри общины.

В то же самое время опыт толстовских земледельческих коммун показал, что земледельческая коммуна как социальное и культурное объединение может функционировать только в том случае, если *социальный состав коммун имеет неоднородный характер*: он объединяет в себе и крестьян – земледельцев и интеллигенцию. Неудачи первых толстовских коммун заключались в том, что они состояли, в основном из интеллигенции, не привыкшей и не готовой к физическому и земледельческому труду. Опыт толстовских земледельческих коммун показал возможность *продуктивного сосуществования* этих различных социальных слоев в условиях общины. Этим объясняется высокий духовный и культурный уровень крестьян – толстовцев, их стремление быть открытыми к людям с другим мировоззрением, с другой жизненной ориентацией и т.д.

²⁴ Богораз Л.И. Толстовцы в Кемеровской области (70-е годы) // Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке (материалы симпозиума). М.: Аслан, 1996. – С. 412.

²⁵ Там же. – С. 413.

Толстовские земледельческие коммуны, своей духовной и практической деятельностью показали *возможность сосуществования толстовских земледельческих коммун с лояльной государственной системой*. В то же самое время опыт толстовских земледельческих коммун доказал, что в этих условиях необходимо происходит *процесс перерастания непротивления в ненасилие*. Это проявилось в тактике толстовских земледельческих коммун: в их *компромиссной политике* по отношению к советской государственной системе.

Выводы:

1. Толстовские земледельческие коммуны – *уникальный социальный, исторический и духовно-нравственный опыт*, который на основе религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого, продемонстрировал действенность принципа непротивления во всех сферах человеческой жизни: хозяйственной, социальной и нравственной. Теократическая модель социализма Л.Н. Толстого, центральной осью которого был принцип непротивления, не стала социальной утопией. Напротив, толстовский религиозный социализм, выразивший глубинные национальные потребности в целостной однородности социального устройства, в единении всего живого, как условия жизни; нравственного, а значит мирного сосуществования со всеми людьми и со всеми живыми существами, получил *свое действительное проявление в толстовских земледельческих коммунах*, которые просуществовали достаточно долго и продуктивно, как *безгосударственные социальные объединения*, юридически зарегистрированные и имеющие право хозяйственной деятельности в государственном пространстве.

2. Толстовство сформировало особый тип хозяйственной этики, определяющей структуру и формы хозяйствования, характер собственности и способы регуляции хозяйственной деятельностью. Этика, моральные ценности имеют в этой системе институциональный характер, определяя приоритеты, структуру и принципы хозяйствования, а попытка институционализации морали в опыте толстовства приводит к проявлению особого статуса морального закона как *своеобразного естественного права*. Хозяйственная этика в опыте толстовства представляет собой *попытку институционального закрепления морали* в хозяйственной и экономической деятельности, выступает как *опыт* по созданию *института социальной этики*.

3. Представления толстовцев о собственности в условиях сосуществования с государственной властью имеют сходство с философией собственности евразийства. Социальный и хозяйственный опыт толстовских земледельческих общин представлен как *своеобразное сочетание практики экологического окультуривания земли и опыта совершенствования духовности, нравственных и культурных ценностей*.

4. Опыт неделания толстовцев приводит к видоизменению непротивления и к формированию ориентации толстовского движения на ненасилие как организованного, компромиссного сосуществования с государственной властью в рамках правового пространства. Толстовские сельскохозяйственные коммуны представляли собой своеобразные институты социальной этики, впервые осуществившие *социальный эксперимент внедрения гуманистических начал и нравственных норм в организацию, управление и структуру хозяйства*.

5. Опыт толстовских земледельческих коммун показывает неразрывность принципа непротивления и ненасилия, как *многообразия возможностей проявлений свободы, свободы совести* в государственном, правовом и нравственном пространстве. Процесс перехода в духовном и практическом опыте коммунаров можно обозначить: непротивление (как становление и развитие личных убеждений и принципов) – ненасилие (как способ проявления мировоззрения и образа жизни в правовом и государственном пространстве) – непротивление (как способ существования и в условиях насилия: тюрьмах и ГУЛАГАХ). Это так называемый принцип «*экстархизма*», которым руководствовались толстовцы по отношению к государственной власти.²⁶

²⁶ Характерно, что и принцип экстархизма (мирного сосуществования с государственной властью согласно своим убеждениям) в отношении к государственной власти мог возникнуть только под влиянием философии хозяйства Толстого и онтологических принципов философии духовно-монистического миропонимания П. П. Николаева, корни которых в традициях русской религиозной философии.

6. Опыт неделания толстовцев приводит к видоизменению непротivления и к формированию ориентации толстовского движения на ненасилие как организованного, компромиссного сосуществования с государственной властью в рамках правового пространства. Толстовские сельскохозяйственные коммуны представляли собой своеобразные институты социальной этики, впервые осуществившие *социальный эксперимент внедрения гуманистических начал и нравственных норм в организацию, управление и структуру хозяйства.*

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины М.: Правда, 1991
2. Булгаков С.Н. Человекобог и человекозверь // Соч. В 2-х т. М.: Наука, 1993
3. Богораз Л.И. Толстовцы в Кемеровской области (70-е годы) // Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке (материалы симпозиума). М.: Аслан, 1996 г.
4. Воспоминания крестьян-толстовцев 1910-1930 годы М., Книга. 1989 г
5. Каширин А.Ю. Философия толстовства: идея духовно-монистического миропонимания // Этическая мысль: Ежегодник. М., 2001. (В соавт. с Е. Д. Мелешко)
6. Каширин А.Ю. Социально-нравственная деятельность толстовских общественных организаций // Человек в социальном мире. Вып. 2, 2001. № 6. С. 73-76.
7. Мелешко Е.Д. Толстовские земледельческие коммуны // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки. М.: Аслан, 1996 г.
8. Мелешко Е.Д. Толстовство как социально-этический феномен // Л.Н. Толстой и традиции ненасилия в двадцатом веке (материалы симпозиума) М.: «Аслан», 1996 г.\
9. Николаев П. П. «Духовно-монистическое понимание мира. М., 1914
10. Николаев П. П. «Понятие о Боге как Совершенной основе жизни (Духовно-монистическое мировоззрение. Т. 1 и 2. Женева, 1915-1916
11. Поповский М.А. Русские мужики рассказывают. Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе. 1918–1977. Лондон, 1983.
12. Memoirs of Peasants Tolstoyans in Soviet Russia. Translated, edited, and with an introduction by William Edgerton. Indiana University Press.: 1993

TOLSTOYAN MOVEMENT: EXPERIENCE OF NON-RESISTANCE AND TOLERANCE

E.D. MELESHKO
A.N. KASHIRIN

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

The paper observes the unique experience of the Tolstoyan movement which has its significant historical and national value. The authors discuss moral values and worldview attitudes of Tolstoyans, describe Tolstoyan conception as a worldview and social movement, observe the principle of non-resistance as a motive for economics and tolerant political and interpersonal relations.

Key words: tolerance, non-resistance, Tolstoyan movement.